

Литературный

№96

«В этот светлый, добрый праздник
Сердце бьётся радостно в груди...»

Отцам и матерям, как говорится, сам бог велел идти с малышами «в первый класс – первый раз». Но, вспоминая 1 сентября нынешнего года, и дедам не мешало бы иногда побывать на таких праздниках и увидеть тот минимум изменений в новой школе, где, как и в жизни, «всё течёт, всё меняется». Кроме, может быть, теоремы Пифагора. Но и она уже, выходя из Эвклидова мира, находится под сомнением, как когда-то пересечение параллельных линий.

Фаустовская школа не исключение. Она меняется на наших глазах: за 5-6 лет количество детей выросло более чем в два раза и достигло 342-х человек – здорово! Вокруг школы чистота, порядок. А вот само здание – просит «наряда».

На празднике было всё: и торжественная линейка, и гимн страны был, и выступление детей, звучали добрые слова и песни; на всём протяжении действия не умолкал рефрен: «учат в школе, учат в школе, учат в школе...». Чему учат в школе и о другом говорила искренне и Наталья Викторовна Королёва – директор школы. Я стоял рядом с ней и мне радостно было, что она – моя коллега, депутат совета депутатов городского поселения Белоозёрский. Говорит не штампами, но народным русским языком, который был доступен и понятен всем. И самым юным школьникам, и мудрым старшеклассникам.

Под музыку слов я чуть было не забыл, зачем сюда явился, вспоминая далёкое детство, себя – первоклассника.

Шёл последний год войны. Мы были кой в чём одеты, не очень сыты. Без сопровождения родителей. И без сумок. Но... Вот что я читал:

*Климу Ворошилову
письмо я написал:
Товарищ Ворошилов,
народный комиссар!
В Красную Армию
в нынешний год,
В Красную Армию
брат мой идёт!
Товарищ Ворошилов,
а если на войне
Погибнет брат мой милый –
пиши скорее мне!..*

Тут я забылся и закончил
словами из другого стиха:

*Сяду я в кабину тесную
и за Родину свою
За прекрасную, чудесную
отличился бы в бою.*

Сейчас я не стал читать ничего. Поблагодарил Наталью Викторовну за приглашение и подарил книгу о нашей земле «Белоозёрский. Очерки истории» и поэтический сборник «Почитай, Серафима, стихи...». Пусть, на всякий случай, книги находятся в библиотеке школы. Может, на обратной стороне обложки заметят, кто у них 1 сентября 2018 года был в гостях. А, увидев, вдруг захотят написать историю совхоза, станции Фаустово. Вспомнят, как на пустом месте деды начинали новую жизнь, покинув когда-то не всегда от хорошей жизни свои исторические места.

А. ДУДИН

Слово держит Наталья Королёва.

Первый звонок – Вячеслав Воротилин, 11 класс, Анна Скрыпникова, 1 класс.

Галина ГОЛОВА: «В нашу гавань заходили корабли...», или как я попала в телевизор

14 августа ушёл из жизни Эдуард Николаевич Успенский – выдающийся человек, многогранный писатель. Не менее известно в народе ещё одно дорогое детище Успенского – программа об авторской песне «В нашу гавань заходили корабли». В ней принимали участие все, кому дороги песни из прошлого, народные песни. Галина Голова – представитель нашего литобъединения, член Союза писателей России, автор яркого романа «Зыбь», она же поэт и бард однажды зашла в «Гавань» Эдуарда Успенского и теперь вспоминает об этом прекрасном явлении.

В отличие от известной домохозяйки фрекен Бок я не мечтала попасть в телевизор. Даже в мыслях не было, но странным образом выстроилась судьбоносная цепочка из людей, благодаря которым я стала участницей программы «В нашу гавань заходили корабли».

Сразу оговорюсь, что я не воспринимала это событие как старт к покорению новых творческих вершин, но разве можно отказать от шанса встретиться вживую с Эдуардом Успенским? Это подарок, праздник, незабываемое событие!

«В нашу гавань заходили корабли» – первая строчка популярной дворовой песни, значит, в эфире можно спеть дворовую, студенческую, лагерную песню, перепевку на популярную мелодию, главное условие – в песне должна быть новизна. Безусловно, такая любовь к характерным, балладным песням, с лёгкими жаргонными словечками – отголосок военного детства. Успенский не скрывал, что рос драчуном и хулиганом, до определённого момента плохо учился в школе. Однако природа одарила его не только литературным, но и математическим складом ума, поэтому не удивительно, что будущий писатель окончил МАИ.

В большом зале барда-кафе «Альма-матер» проходило предварительное прослушивание. Собралось человек двести. Помню, не было свободного места за столиками, многие страждущие стояли вдоль стен. Стать избранным было очень сложно. Желающие попробовать свои силы шли непрерывным потоком, и среди них были как очень талантливые исполнители, так и совсем неинтересные, а иные – смешные. Потом я узнала, что многие оставались на программе в качестве зрителей в студии.

Напротив сцены сидели Эдуард Николаевич, Элеонора Филина и их помощники. Успенский говорил мало, изредка за-

давал исполнителям вопросы общего характера – о профессии, об истории песни. Но даже в этом кратком общении чувствовалась искромётность его юмора, подчас ироничного. В этом я убедилась, когда на сцену вышла женщина преклонного возраста, внешность которой выглядела, мягко говоря, странно: парик из искусственных волос, яркие тона косметики и на губах, и на веках, цветное платье из тонкой полупрозрачной ткани, а на ногах – унты! В мае! При виде её в зале прокатился лёгкий весёлый шумок. Мне показалось, что эта женщина давно стремится попасть в программу, и не впервые Эдуард Николаевич видит её.

– А где ваши лыжи? – спросил он.

– Лыжи? Какие лыжи? – переспросила дама.

– Вы на чём сюда приехали? – подтрунивал Эдуард Николаевич.

– На метро, – простодушно ответила «артистка».

Зал взорвался от смеха.

Прослушивание длилось очень долго, я очень волновалась, но это не мешало мне наблюдать за мэтром. Эдуард Николаевич редко вступал в диалог, чаще инициативу проявляла Элеонора, даже казалось, что именно она влияет на ход событий. Но это поверхностное впечатление. Прижав микрофон к виску, Успенский казался уставшим, отрешённым, хотя, несомненно, внимательно всматривался, вслушивался, как бы параллельно находясь в двух мирах. Потом вдруг встрепенётся, расправит плечи и заведёт разговор с выступающим, интересуясь судьбой исполнителя, уточняя, при каких обстоятельствах найдена песня, которая предлагается к прослушиванию. Он обладал голосом с лёгкой хрипотцой, говорил импульсивно, отстаивая свою точку зрения. При всём великодушии и уважении к простым людям, выходящим на сцену, в поведении Успенского виделся нарцисс. Самолюбование проскальзывало в его репликах, оценках, в манере сидеть, опираясь обеими руками на спинку стула. «Я самый лучший, самый талантливый», – утверждала его харизматичная натура.

Эдуард Успенский, Элеонора Филина.

Этому противостоять невозможно, он действительно был таковым.

Настал момент моего прослушивания. Передо мной сам Успенский! Я горю от волнения. Подошла к аккомпаниатору, напомнила нехитрый мотив и протяжно запела:

«Ну, давай, посидим за весёлым столом, пусть пурга за околицей воем. Расскажи, милый друг, что-нибудь о былом, что былое вовек не утонет. Я родился на Волге в семье рыбака, той семьи и следов не осталось...»

Неожиданно Элеонора Филина, захлопав в ладоши, прервала:

– Это песня о том, как он стал вором?

– Да.

– Так, эта песня нам не подходит, мы её уже много раз слышали. У вас есть ещё что-нибудь?

По моей спине пробежал холодок. Мысли затрепетали. Как артистично и темпераментно я хотела исполнить эту балладу! А как её пел мой отец! Эх! Всё пропало.

– Есть моя «перепевка» на мелодию песни «Ландыши». Она называется «Песня сельской труженицы».

– Давайте, – устало разрешила Филина. Эдуард Николаевич при этом не выражал никаких эмоций, казалось, ему уже надоел этот сумасшедший поток страждущих, молящих, просящих... И это вполне понятно.

А я запела:

– Ты сегодня мне привёз...

Вдруг остановилась, забыв текст.

– Можно, я снова начну?

– Можно, – разрешила Элеонора.

– Ты сегодня мне привёз...

Музыка играет, а я опять запнулась.

Эдуард Николаевич слегка оживился, от нетерпения заёрзал на стуле и, когда я в третий раз запнулась после слов «Ты сегодня мне привёз», пропел в микрофон: «Электрический насос».

Слушатели в зале засмеялись.

Меня это тоже рассмешило, но, сосредоточившись, включив самообладание, всё-таки спела эту песенку, о том, как муж привёз жене навоз, она трудилась-трудилась и грустила, что уже давно забыла, как пахнут ландыши, что в семейной жизни нет романтики и любви. Песенка не произвела желанного впечатления. Посоветовавшись, Филина и Успенский сделали снисхождение и позволили мне спеть ещё одну песню, собственную, про гаишника, хотя авторские песни к прослушиванию не принимались. Когда исполнение завершилось, будто издадека прозвучали слова Элеоноры Филиной:

– Спасибо. Мы вас услышали. Всего доброго!

И всё. Мне не задали ни одного вопроса! Я почувствовала, что это провал.

Продолжение на стр. 10

Во дворе дома Головых.

Андрей ЛЫСЕНКОВ: «Только привыкнешь к покою — и нате!..»

МОЖЕТ БЫТЬ

... А, может быть, это песок
тяжкой ношей
Выносит на берег
солёные воды,
Рассерженно пеной давясь
от натуги?
И, может быть,
это не наши подошвы,
А души, вместившие боль
и невзгоды,
Следы оставляли
напротив друг друга?

Быть может, меня приняла
за другого,
Когда признавалась,
скрывая улыбку,
Что больше ко мне
ты не чувствуешь страсти?
И, может,
совсем не желая худого,
Ты сердце моё
расколола о глыбу
Жестокой холодности —
грубо, на части?

Быть может, став замкнутым
и толстокожим,
Я склеил, собрав воедино,
осколки
В порыве собраться,
хоть что-нибудь сделать.
И, может быть, сердце...
А сердце — не может:
Пугается, изнемогает —
и только,
Навеки утратив
доверчивость, смелость.
И, может быть, ты,
пожалев об уходе,
Как девочка,
радостно хлопнув в ладоши
Вернуться решишь...
Я не выставлю вон, но...

Знай: сердце моё,
как песчинка сухое,
Не примет, не сдюжит,
не вынесет больше
Разлуки ещё одной
горькие волны.

СПЕШАЩАЯ В КОФЕЙНЮ

Едва присядешь —
вскакиваешь на ноги
И снова по делам своим
бежишь.
Так мало неба,
что не видно радуги
В чащобе плоских
небоскрёбных крыш.

Москва бурлит,
как турка раскалённая,
Расплёскивая кофе на ходу.
Красавица взволнованно-
влюблённая
У сотен лиц угрюмых
на виду
Торопится в кофейню,
точно Золушка
На королевский бал:
заждался принц.

Её зрачки —
как два кофейных зёрнышка
Под сенью полумесяцев-
ресниц.
Скорее разделить любовь
и радость с ним!
Согреть ладони в ласках
его рук
И потерять счёт времени
под радужным
Свечением хрустальных бра
вокруг!..

Но нужно ли, дрожа
от нетерпения,
Ей торопиться, если
неспроста
Любви чужды такие
проявления,
Как спешка, беготня и суета?

ЖРЕБИЙ

Жребий тебе выпадает
порою
Первою каплей грядущей
грозы,
Видится то изощрённой игрою,
Как змееловом поимка гюрзы,
То балансированьем на канате,
Если оборван
страховочный трос.

Только привыкнешь к покою —
и нате!
Будто и так мало встрясок
и гроз!

Будто судьба самой слабой
из пешек
Путь предрекла стать одним
из ферзей
В самой циничной своей
из насмешек —
Встать против сразу врагов
и друзей.

Встать, выпивая
отравленный кубок,
Плюнув на прошлое,
через запрет,
В терпкой печали
смиранных уступок,
В скомканном счастье
нежданных побед...

Жребий тебе выпадает
порою,
Жребий жестокий
и жребий слепой,
Что б ни пророчил туманно
собой —
Взлёт ли,
падение ли —
помни: он — твой!

Леонид ДУДИН: «По дороге к самому себе»

Продолжение. Начало в №95.

Во время учёбы в Солигаличе радостей у меня было мало, кроме школы, спорта и великой тяги к познаниям через книги.

Две зимы я квартировался с токарёвским Николаем Морозовым (Коля Енин) на улице Горочной, 36, в доме районного лесничего Попова Александра Александровича, сына полковника Попова, командира Костромского полка, по которому прокатилось, никак не минуя, колесо большевистских репрессий. Его расстреляли за то, что был полковником.

Жили мы на первом этаже в отдельной большой комнате, которая служила нам, в основном, спортзалом. У одного из окон стоял стол, можно сказать, письменный. Но он выполнял и другие функции: поесть-попить, заняться поделками из дерева, быть опорой и подставкой для лазания через окно на улицу и обратно.

И был ещё второй этаж и комната коконьки — так звали вдову полковника Попова все домочадцы (мы — тоже). Коконька после

смерти мужа осталась с единственным сыном Александром и его семьёй. Звал я его дядей Сашей, жену — тётей Нюрой. У них росло трое детей: Владимир, Соня и Александр-младший. Дружил я со всеми, но больше со студенткой Соней — она всего на год была постарше меня и училась в педучилище. В те времена учителя младших классов обязаны были знать что-то из музыки и танцевального искусства. Она пыталась приобщить меня к этому трогательно-высокому делу: к мандолине, краковяку и танго, но я очень тяжело поддавался на её уговоры.

В те времена у меня уже были навыки игры на гармошке и, по местным понятиям, совсем неплохие. Этот полюбившийся мне двурядный вологодский инструмент с медными голосами, что отец с рук купил в деревне Простотино за один пуд (16 кг) картошки. Отправляя в Простотино, отец сказал: «Очень-то не шуми», то есть не играй по дороге громко.

В своей деревне я дал полную волю медным голосам. Около дома собрался народ, расспрашивали, пробовали растягивать меха, радовались вместе со мной, что у нас теперь на Харитонове Починке имеется собственная гармошка. К пятому классу я мог выводить на ней все плясовые и некоторые неплясовые мелодии и овладел нашей знаменитой «совеганкой» типа болгарской танцевальной. «Отвори да затвори».

Кроме того, в запасе находилась балалайка — мне в достатке тогда хватало веселья и всем подросткам, которые меня окружали. На Совеге, конечно. В Солигаличе нас, наш мир, нашу игру, танцы вроде бы не понимали. Скорей всего, делали вид, что не очень понимают, деревня, мол. Но мы-то знали, даже убеждены были, что наш самобытный фольклор был достоин не только

понимания, но и служить примером для многих городских ребят. Им, живущим у родителей за пазухой, потом собственного «я» в жизни очень не хватало. Особенно неломаящихся характеров, простоты и не наигранного естества.

...Дядя Саша видел моё стремление к познанию и провёл переговоры с коконькой, чтобы я мог пользоваться библиотекой, что была на втором этаже. Как он разговаривал со своей матерью — не знаю. Но взаимоотношения у них были для меня удивлением — совершенно другого уровня. Вот семья собирается за обеденный стол. Все в сборе. Дядя Саша поднимается до половины лестницы, ведущий на второй этаж, и громко, но с нежностью произносит: «Мама, вы приглашаетесь на обед». Он ждал, когда коконька подойдёт к проёму, затем протягивал ей руку, помогал спуститься с лестницы и вёл к столу. Все вставали и ждали, не шелохнувшись. Она стояла, небольшого роста, щупленькая, перед образами; крестясь, шептала молитву. Закончив, произносила: «Садитесь. Кушайте». Тоже было и за ужином. Завтрак и полдник тётя Анна носила коконьке на второй этаж.

Однажды коконька говорит мне: «Лёня, вы через час можете подняться (первый раз в жизни ко мне обращение «на вы») для беседы со мной». Время я выдержал строго, и по лесенке — наверх. Она ждала меня. Подвела к библиотеке: «С трёх до шести пополудни разрешаю пользоваться книгами. Выносить не разрешаю. Страницы не загибать и не муслять. Закладки — рядом. Вот они». Коконька показала, где лежат кожаные закладки, и пошла к себе в спальню. Я остался один на один с этим великим кладом ума-разума и не мог нарадоваться. Передо мной явились Библия, Аристотель,

(ФРАГМЕНТЫ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПОВЕСТИ «СОЛИГАЛИЧ НА ГОРЕ»)

Аврелий, Спиноза, Шопенгауэр, Ницше, Гегель, Карамзин — никогда не перечислить всех имён, которые я прочитал на обложках впервые. Аккуратно брал в руки, разглядывая старинные переплёты, титулы, вензеля, рисунки.

Конечно, я понимал, что всего не осилю. Но, когда прочитывал самое-самое — Библию, Карамзина — то всё содержание носил в себе, «переваривал», боясь проговориться кому-либо о прочитанном (было очень опасно), и тихо, и тепло чувствовал, что я знаю то, чего не знают мои сверстники. Это меня почему-то, помимо моих желаний, возвышало, хотя гордыни никакой не было. Только доброе состояние души, новое понимание тех или иных явлений, придания им особых жизненно важных смыслов.

Потом я стал ходить на второй этаж чаще, но исключал часы коконькиных молитв. Это тайное действо у неё было главным. Было неподдельной страстью. Даже книги оставались на втором плане.

Продолжение следует.

➔ Дом Поповых. Горочная, 36.

«Над городом судьбы моей»

➔ Т. Березенцева, Е. Юрова, Д. Новиков, О. Новикова, М. Васильева.

В Центральной районной библиотеке прошла встреча с членом Союза писателей России, академиком Академии российской словесности Ольгой Александровной Новиковой, посвящённая 80-летию Воскресенска.

Известный прозаик и поэт Ольга Новикова не впервые выступает перед жителями города – читателями нашей библиотеки со своими произведениями.

Родившаяся в прекрасном Воскресенске писатель создала документальную повесть «Протоиерей Александр Сайгушев. Жизнь», тем самым утвердив духовное наследие города навсегда. Она ярко, не уставая, рассказывает о непростой, но всё равно замечательной жизни своего

поколения, радуясь и сегодняшним дням.

На встрече присутствовали ветераны труда, посетители отделения дневного пребывания соцзащиты. Ольга Александровна поздравила присутствующих с праздником, рассказала о своём детстве, учёбе в школе №4, о своих родителях.

Затем прочитала стихи, посвящённые городу и людям, живущим в нём. Методист историко-краеведческого музея Татьяна Березенцева рассказала о том, как зарождался наш город, был показан документальный фильм «Город химиков».

Ведущая – заведующая сектором краеведения Центральной районной библиотеки Елена Юрова дополнила рассказ об истории города, представив книги выставки «Край воскресенский».

Поэтический конкурс имени Елены Слободянюк

1.1. Областная литературная премия имени Елены Слободянюк, учредителем которой является муниципальное образование «Городское поселение Белоозерский», присуждается за лучшее поэтическое произведение (книгу, сборник стихов, стихотворение – далее произведение). Премия присуждается в два года один раз.

1.2. На соискание премии выдвигаются лица, литературное произведение которых опубликовано или обнародовано иным способом.

1.3. Конкурс открыт для поэтов Подмосковья.

1.4. На конкурс принимаются опубликованные произведения, отражающие классические жанры, срок публикации которых не превышает трёх лет.

1.5. Премия присуждается по трём номинациям: а) дети – до 14 лет; б) молодые дарования – до 40 лет; в) мастера словесности – старше 40 лет (в номинацию могут входить и молодые дарования). В каждой номинации по три премии: 1-я премия; 2-я премия; 3-я премия. Их денежное содержание определяет совет депутатов городского поселения Белоозёрский.

1.6. Премия носит персональный характер и присуждается по решению конкурсной комиссии.

3.1. Документы и материалы представляются в конкурсную комиссию с 1 сентября текущего года до 28 февраля 2019 года (присуждение премии), в том числе:

1) Заявка на участие.

2) Творческая характеристика соискателя с анализом работы за последние три года, включая краткие биографические данные о соискателе, его литературном вкладе, печатных изданиях и публикациях.

3) Два экземпляра выдвигаемых Произведений.

3.2. Документы оформляются в папку с указанием на обложке «На соискание литературной премии имени Елены Слободянюк – 2019» (фамилия, имя, отчество) и направляются в конкурсную комиссию по адресу: 140250, Московская область, Воскресенский район, п. Белоозерский, ул. 60 лет Октября, д. 8. Контактный телефон: 8 (496) 445-11-83; 447-56-11; 442-81-10. E-mail: adm-belozerskiy@mail.ru.

➔ Родник.

Галина ГОЛОВА: «В нашу гавань заходили корабли...»

Начало на стр. 8

Мне стало стыдно за свою бесталанность, самонадеянность, нелепую глупость моих песен, которые никому не интересны. «Зачем я здесь?» – спрашивала я себя. – Оглянись вокруг, посмотри, какие одарённые люди в зале, сколько звучало потрясающих баритонов, сопрано, какие классные песни они принесли!»

Но однажды мне неожиданно позвонили и пригласили на программу «В нашу гавань заходили корабли», предложив исполнить песню про гаишника. Не скрою, что это была для меня неожиданность, большая радость и честь. На то, что песня моего сочинения, как говорится, закрыли глаза. Значит, она Успенского зацепила, есть о чём поспорить.

Очень доброй и душевной была атмосфера в студии на записи этой программы. Звучали песни, ставшие символом своего времени. Казалось бы, все они давным-давно спеты-перепеты, но интерес к ним не угасает.

Исполнителям помогали блестящие аккомпаниаторы – Александр Мясников, Алексей Бадалл. Зрители в зале не сидели равнодушно. Они подпевали, щедро дарили аплодисменты, заряжали исполнителей энергией.

Почётным гостем программы была

актриса Татьяна Абрамова, которая тоже исполнила дворовую песню. Кстати, когда запись программы завершилась, она подошла ко мне и сказала: «Мне очень понравилось ваше выступление. Вы так артистичны!». Вот такой комплимент.

Но самый главный мой восторг – дуэт ведущих – Эдуарда Успенского и Элеоноры Филиной. Они работали слаженно, улыбаясь, по-семейному, иногда подтрунивали друг над другом. Не обошлось и без юмористических штрихов писателя. В ходе программы один участник спел песню на армянском языке, после чего Эдуард Николаевич неожиданно встал с кресла, подошёл к пожилой зрительнице с чертами корейской национальности, поднёс к ней микрофон и сказал:

– Мы слушали песню на армянском языке, а сейчас послушаем эту песню на корейском языке.

Женщина оторопела! Удивление и смущение застыли на её лице. Она так растерялась, будто её разбудили среди ночи, включив яркий свет. Не ко всем так близко подходил Успенский, тем более с микрофоном. Он искренне и по-доброму улыбался. И всем тогда было с ним интересно, и все тоже улыбались. Здесь были все едины.

Вот таким было моё знакомство с уникальным человеком, потрясающим детским волшебником, хулиганом и забиякой

Эдуардом Николаевичем Успенским. Не могу похвастаться, что он пожимал мне руку, вёл со мной беседу, глядя глаза в глаза. Да он и не помнил меня! Важно, что он поделился своей энергией. Сколько нас, любителей песен, прошло сквозь программу «В нашу гавань заходили корабли» и на студии звукозаписи, и на телевидении! Мы все были маленькими, но разноцветными камешками на побережье его любимой работы. Нас было много, а для творческого человека эта программа – праздник. Он всем нам дарил этот праздник – и зрителям, и участникам.

То, что от нас ушёл Эдуард Николаевич, – очень скорбная весть для миллионов жителей нашей страны. Он навсегда останется живым в своих удивительных произведениях, потому как явил и отдал всему миру свой безграничный талант. Умный, строгий, ироничный, искромётный, гениальный сказочник-выдумщик....

От редакции. Теперь нашей малой «Гаванью» стал дом Головых в деревне Цыбино. Талантливые хозяева приветливы и открыты – принимают у себя одарённых людей, удивляясь и радуясь вместе с ними красоте земли и солнца.

➔ В доме Головых болгарские писатели.